

Лариса Рубальская

Очередь за счастьем

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лариса Рубальская

Очередь за счастьем (сборник)

«ЭКСМО»

2012

Рубальская Л. А.

Очередь за счастьем (сборник) / Л. А. Рубальская — «Эксмо»,
2012

© Рубальская Л. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

От автора	5
Очередь за счастьем	6
Детства двory	10
Мы в садовников играли...	10
Пионерский лагерь	11
Сиреневый туман	12
Кто придумал эти чертовы цифры?	14
Были юными и счастливыми	15
Отец	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лариса Рубальская

Очередь за счастьем

От автора

Год назад я с подругой была в Японии. Однажды мы гуляли по территории одного из прекрасных храмов. Вокруг росли неведомые деревья – клиптомерии, буддистские символы. И вдруг я вижу – стоит длинная очередь из детей. Интересно, думаю, может быть, там подарки какие-нибудь раздают? Подхожу ближе и вижу – посреди храма стоит высокий деревянный столб, в котором выдолблено сквозное отверстие. И дети, подсаживая друг друга, по очереди пролезают через него и оказываются по другую сторону столба. Я долго смотрела и не могла понять: зачем они это делают? Тут подошла моя японская подруга Мидори и объяснила, что это не столб, а священное дерево. И тот, кто пролезет насквозь, будет счастливым. И получалось, что детки эти стоят в очереди за счастьем.

Я подумала, что обязательно напишу об этом. Потому что вся наша жизнь – это и есть очередь за счастьем. Кому-то везет – достается оно в больших количествах, а кто-то слышит за спиной: «Вас тут не стояло...» А кто-то встанет в эту очередь, весело спросив: «Кто последний? Я за вами!..» Да еще и другу или подруге очередь займет. Просто, как в магазине. Вот и я когда-то встала в эту очередь за счастьем – и с ночи очередь занимала, и на холоде мерзла, и в жару мучилась в этой очереди. Всякое бывало, пока я его, счастье свое, получила. Не толкалась, никого не отпихивала. Даже пропускала некоторых. И прилежно двигалась к нему навстречу. Все как у всех.

И о чем бы ни писала я стихи и песни, все они о тех, кто стоял в очереди за счастьем.

Лариса Рубальская

Очередь за счастьем

Сиавасэ нара, тэ о татако!!! – поют японцы всех возрастов и по любому поводу. И при этом хлопают в ладошки. Сиавасэ – это по-японски СЧАСТЬЕ. И если ты СИАВАСЭ, то хлопай в ладоши – так переводится эта нехитрая песенка. Боже мой, сколько раз я подпевала и прихлопывала японским туристам, колеся и летая по просторам Советского Союза! И тогда мне казалось, что вокруг все – сплошные счастливицы, и забота у них только одна – не забывать про это петь под собственные аплодисменты. Мне было хорошо – новые лица, места. Люди, проходящие мимо, оборачиваются – это кто же умница такая, по-японски щебечет так красиво?

Японцы любили меня, смеялись моим шуткам, запоминали русские песни, и мы пели их все хором. И, конечно, одаривали меня всевозможными подарками – зонтиками, часиками, колготками. Правда, принимать эти дары в те годы было делом криминальным. Вроде, если из капиталистических рук зонтик, к примеру, возьмешь, то тут же родину и продашь.

А я, наоборот, влюбляла японцев в мою страну, в мой город, и зонтики и часики брала с легким сердцем. Еще бы! У меня сроду ничего такого не было. А колготки стоили столько, что мне даже смотреть на них было не по карману.

Однажды мне одна из японок сказала, миллион раз извинившись, что, хоть и жара, в Японии не принято ходить женщинам без чулок. И протянула мне пакетик, в котором лежало три пары колготок! Я еле дожидая до вечера – надеть счастье это! Первый раз в жизни! И хорошо, что три пары – как раз у меня две подружки – Надька и Нинка. Всем и достанется.

Лето – туристов большой наплыв. И чем больше их, тем больше у меня колготок. Ура! А тут собрание устроили там, где я переводчицей работала. И на собрании этом строго объявили, что какая-то там Илларионова у шведского туриста в подарок шапку из лисы взяла. И ее выгоняют с работы, потому что родина в опасности бывает из-за таких Илларионовых. Никаких подарков! Ни-ни! А то – вслед за Илларионовой этой несчастной!

А у меня как раз группа большая уезжает. Все садятся в автобус, я стою рядом – чемоданы считаю. А рядом построился тот, кто гневную речь про продажу родины на собрании толкал, за мной наблюдает.

Глава делегации заходит в автобус последним и передает мне красивый пакет, полный колготок, и еще зонтик там вырисовывается. А я глазки строгие сделала и по-японски ему защибетала – сейчас, мол, не надо. А как от гостиницы отъедем, я возьму. Японец произнес – ХАЙ! – ДА по-ихнему – и занял место в автобусе.

Наблюдавший дядька губки сложил, как Джоконда, и самыми уголками меня спрашивает: что ты ему сказала? Я отвечаю: сказала, что колготки и зонтики у нас в стране сувенирами не являются. А вот если бы он значок мне подарил с солнцем своим восходящим, то я бы взяла с удовольствием. Тут дядька этот свои губы Монализины разжал, заулыбался: молодец, Рубальская!

Как только автобус завернул за угол и гостиница вместе с дядькой скрылась из виду, я пакетик с подарочками благополучно забрала. А потом раздавала эти колготки всем – подружкам, соседкам. Представляете, сколько народу было СИАВАСЭ! Зонтик я, правда, себе взяла – там стрекозки красивые очень были нарисованы.

Потом на всех собраниях меня все время хвалили и всем в пример ставили – вот какая Рубальская Лариса молодец! Настоящий советский переводчик!

* * *

Я каждый день водила экскурсии – Кремль, Москва – столица нашей родины, ВДНХ. И так по кругу, все про все знала – и сколько что в длину, и сколько что в высоту. Очень это японцев интересовало. Знала я и разные интересные истории – и про Ивана Грозного, и про разбойника Кудеяра, который в лесах жил и на дорогах людей Грозного грабил. А потом оказалось, что он этому Ивану Грозному родным сыном приходится. Только сам Иван об этом не знал – он Кудеярову мамашу в монастырь сослал, из-за бесплодия. А в монастыре как раз выяснилось, что она беременная. Ну вот, Кудеярка вырос и в разбойники пошел – за мамку свою мстить. Правда, я не знаю, насколько эта история достоверна, но где-то прочитала, от себя всяких подробностей напридумывала, и японцы слушали, раскрыв рты.

Японцы тоже мне рассказывали о своей стране, учили петь их песни, проговаривать скороговорки. У меня все это здорово получалось. Особенно мне запомнилась одна рассказанная легенда – про императоров. Оказывается, у одного императора был соловей, но он почему-то не пел. И император повелевал, если птица не запоет, убить ее. Недолго просидел этот тиран на троне, умер, и к власти пришел следующий.

А соловей все не пел. И тогда этот следующий повелел: заставить птицу петь! И его век на троне был недолог. Вскоре умер и он. Наконец, следующий император узнал, что есть такой соловей, который петь не желает. И тогда он сказал: «Я буду ждать столько, сколько нужно до того времени, когда он сам захочет петь». И вот именно этот император дольше всех предшествующих жил на свете и был самым любимым у японского народа. Хорошая история, мудрая. Я мудрость эту на ус намотала, и она мне в жизни очень пригождается.

* * *

Советский переводчик Лариса Рубальская, конечно же, мечтала хоть ненадолго оказаться там, где сакура цветет. В Японии то есть. Сколько же можно отвечать на вопрос японцев: почему вы в Японию не приезжаете? Причины всякие придумывались – ремонт дома, работы много, летать боюсь и так далее.

И вот однажды была моя кандидатура предложена к выезду с делегацией советских комсомольцев в качестве переводчика. Ой, как же сердце мое от радости запрыгало! – Ура! Наконец-то! Осталась сушая ерунда – комиссия выездная, ответы на простые вопросы, и – вперед!

Простой вопрос был таким: назовите имя и фамилию первого монгольского космонавта. Ну а дальше понятно, объяснять не надо: ступор, слезы, гнев комиссии – какой позор!!! – и прости-прощай несбывшаяся мечта.

Все это не стоит даже воспоминания, потому что времена изменились, и во многом в мою пользу. Я несколько раз была в Японии – и переводчиком с оперной труппой Большого театра, и с какой-то рок-группой, и просто так – в гостях у друзей. Но об этом чуть позже.

* * *

Больше тридцати лет моей жизни прошло среди японцев. Мне уже и сны снились по-японски, и когда дома звонил телефон, я, снимая трубку, вместо «Алло» говорила «Моси-моси» – это по-японски то же самое. Я работала с японскими корреспондентами, и чего только не входило в мои обязанности. Интервью готовила, статьи из газет вырезала и переводила. А если было нужно, анализ мочи жен и детей корреспондентов в поликлинику относила, и набойки на ботинки в мастерскую – тоже я. Ну, а когда встречи на высшем уровне, саммиты,

то в Париже, то в Мюнхене – пожалуйста, госпожа Рубальская, – в самолете бизнес-класс, и номера шикарные и в «Хилтонах», и в «Шератонах». А потом возвращалась – и опять анализы-набойки. Одним словом, одна за всех. Очень я эту работу любила. Сколько увидела, услышала!

Каждый день проходили пресс-конференции – и Рейган, и Тэтчер, и людоед какой-то африканский. Да кто хочешь. Мы с шефом всегда в первом ряду сидели, и я ему на ухо все быстро переводила. Ведь у нас с Японией большая разница во времени, и новости нужно было срочно передавать. На одной из таких пресс-конференций я видела воочию Самого Челентано! Вы скажете – подумаешь! А мне не подумаешь! Для меня это был подарок судьбы, сбывшаяся мечта. Я вообще-то по натуре не фанат, но Челентано обожаю.

* * *

Когда в моей жизни появились песни, интерес к работе у японцев стал ослабевать, и в один прекрасный день я поняла, что эта страница моей жизни прочитана до конца и пора ее переворачивать. Что я и сделала.

* * *

«Три часа самолет над тайгой летит...» – так начинается моя песенка «Самурай».

И до тайги три, и после нее – тоже три. И вот наконец – ура! Приземлились. Я снова в Японии, через двадцать лет после последнего приезда. Моя подружка любимая Мидори встречает, и дальше две сказочные недели от края до края этой удивительной страны мы путешествуем вместе с моей замечательной подружкой Таткой. Это она, Татка моя неугомонная, меня уговорила полететь в Японию, это при моем-то страхе к полетам. Любовь к Татке и надежда снова побыть с Мидори пересилили фобию, и я снова там, где столько лет обитала моя душа. Нахлынули воспоминания, ожили эмоции – говорю по-японски, встречаюсь с друзьями.

* * *

Году в 1974-м в СССР гастролировало варьете «Девушки из Такарадзуки». Я четыре месяца ездила с ними по городам и весям, знала всех в лицо, по именам – обычным и сценическим. И когда они уезжали, я рыдала поочередно на плечах у всех семидесяти трех девчонок, провожая их в Шереметьево. И даже не думала, что еще когда-нибудь увижу их.

Такарадзука – это маленький городок, деревня можно сказать. И железнодорожный тупик, до которого поезда доходили практически без пассажиров – что там делать-то? И вот владелец железной дороги думал-думал и придумал такую хитроумность – создать в деревне этой театр, сделать его знаменитым, чтоб народ туда ломился и таким образом вырастала прибыль от железной дороги. Задумал и сделал – устроил кастинг, девчонок красивых набрал, режиссеров умелых, и – готово дело – гремит Такарадзука сначала по всей Японии, потом мировое турне с заездом в Россию. Вот тут мы и познакомились, чтоб четыре месяца вместе ездить – выступать, дружить и радоваться жизни. Девушки во мне души не чаяли, только смеялись, что я с толстенным словарем не расстаюсь – слова подглядываю.

И вот, представляете, спустя тридцать с лишним лет после нашего расставания сижу я в токийской гостинице, и вдруг телефонный звонок – Лариса-сан, Такарадзука де годзаймас. Я прямо подпрыгнула – чудеса! Как они могут меня помнить? Сейчас-то я, конечно, не удивляюсь, что меня знают, – все-таки по телевизору показывают, артисты песни поют, книги прода-

ются. А тогда-то – просто цуяку-сан, переводчица то есть, как они могли меня помнить через столько лет, понять не могу.

Короче говоря, услышала я в телефонной трубке голос, который сказал, что они узнали, что я в Японии, и завтра все придут в гостиницу, чтобы встретиться со мной.

Когда я пришла в условленное место, увидела стайку немолодых дам. И стайка эта подлетела ко мне – обниматься, радоваться встрече. Я никого не узнавала, но вежливо объятия принимала и их же отдавала в ответ. А сама думала – что я буду делать? Кто эти люди? В этот момент одна из них обняла меня как-то особенно сердечно и сказала: «Лариса-сан, узнаете меня? Хацукадзе Дзюн, Кан-тян – это я!» Боже мой! Воспоминание отбросило меня на несколько десятилетий назад, и пожилая женщина, обнимающая меня, как будто проявилась, как проявляется фотобумага в проявителе и появляется четкий отпечаток. И я увидела блистательную Хацукадзе Дзюн, юную красавицу, суперзвезду варьете «Девушки из Такарадзуки».

И в то же мгновенье проявились все лица, и рядом со мной стояли мои милые подружки из тех далеких лет. И я вспомнила всех по именам, и всякие эпизоды, с каждой связанные. И за столом ресторана токийской гостиницы четыре часа щебетали, иногда вытирая слезы, не я, сильно прибавившая за эти годы в весе цуяку-сан, не пожилые домохозяйки мамки-бабушки, а веселые девчонки той далекой поры. И выпивали, и пели, и не хотели расставаться. Но, как говорит умная японская пословица, «АУ ВА ВАКАРЭ НО ХАДЗИМЕ» – «Каждая встреча – начало разлуки».

До свиданья, девушки из Такарадзуки! СИАВАСЭ ДЭ... Будьте счастливы!

* * *

Что это было? – я так до сих пор и не поняла. Мы с Таткой гуляли по этнической деревне недалеко от Киото. Нас нарядили в кимоно, украсили прически какими-то японскими штучками, и мы окончательно слились с японской историей. По деревне этой прогуливались красавицы-гейши, с крыш неожиданно прыгивали ниндзя, прямо у нас на глазах, выкрикивая пугающие звуки, самураи делали харакири. Короче, парк культуры и отдыха. Время от времени появлялся белый огромный кот, ростовая кукла. Его имя – Нэн Мягэ. Считается, что этот кот приносит счастье. Он подходил к посетителям, фотографировался со всеми.

Наступила и наша очередь завладеть вниманием Нэн Мягэ. Он подошел ко мне, обнял и стал лапкой показывать, что он плачет. Трогательное и милое создание. Я по-японски спросила: «Почему ты плачешь?» Кот присел на корточки, поднял какую-то палочку и написал на земле по-русски: «Я СКУЧАЮ!» Потом он закружился на задних лапах и исчез. Вот я и думаю до сих пор – что это было? И есть у меня такое подозрение, что это наш российский какой-нибудь человек котом этим там подрабатывает. И меня он узнал – в Японии же тоже телевизоры есть – и дал волю эмоциям. А фото с котом, приносящим счастье, у меня на память осталось.

* * *

Когда в Японии произошло землетрясение, я позвонила моей Мидори: «Приезжай! Живи у меня!» А в ответ услышала: «Спасибо, Лариса. Но я должна быть со своим народом».

Детства дворы

Мы в садовников играли...

Помнишь мир одноэтажный старого двора?
Нам казалась очень важной детская игра.
Все тогда казалось тайным,
Все казалось неслучайным.
Цвел наш сад, и приближалась
Нашей юности пора.
Я садовником родился,
Не на шутку рассердился.
Все цветы мне надоели,
Я смотрела на тебя.
Мы в садовников играли,
Мы друг друга выбирали,
И казалось в самом деле,
Что решается судьба.
Повзрослели игры наши с тех далеких пор.
Стал давно многоэтажным детства старый двор.
А в метро на переходе
Кто-то вдруг ко мне подходит,
Незнакомый и знакомый,
Начинает разговор.
Я садовником родился,
Не на шутку рассердился.
Все цветы мне надоели,
Я смотрела на тебя.
Мы в садовников играли,
Мы друг друга выбирали,
И казалось в самом деле,
Что решается судьба.
Знаешь, прежними остались
Голос твой и взгляд.
Будто мы вчера расстались,
А не век назад.
Будто не в метро мы вовсе,
А на улице не осень,
Мы в садовников играем,
И цветет наш старый сад.

Пионерский лагерь

Пацан из гипса, к небу горн,
И муравьи ползут из трещин.
Садится солнце за бугор,
На ужин нам пирог обещан.
Мы нижем бусы из рябин
И шепчем страшные секреты.
Волшебник добрый, Аладдин,
Прощался с нами в это лето.
Мы знаем все уже про джаз,
Зовем друг дружку стариками,
И вырастает что-то в нас,
Топорща майки бугорками.
Уже к мальчишкам интерес,
Кудрявых просто не хватало.
Осуществляющим ликбез
Был Мопассан под одеялом.
Французский фильм «Фанфан-Тюльпан»
Привез механик по ошибке
И загораживал экран,
Когда там целовались шибко.
На фотографии смешной
На фоне знамени с призывом
Та, что была когда-то мной,
В том, пятьдесят восьмом, счастливом...
Горит открытый честный взгляд,
И сердце жаркое Тимура.
Все было столько лет назад,
Чего вдруг вспомнила, как дура?
При чем здесь гипсовый пацан?
Ведь все меняется с годами...
А просто фильм «Фанфан-Тюльпан»
Вчера был по второй программе.

Сиреневый туман

Девятый класс, химичка – дура,
Мы все балдеем от Битлов,
И намекает мне фигура,
Что приближается любовь.
И я, поняв намек фигуры,
Коньки напильником точу
И в Парк культуры, в Парк культуры
На крыльях радости лечу.
Каток блестит, огнями залит,
Коньками чиркаю по льду,
А рядом одноклассник Алик
Снежинки ловит на лету.
И я, от счастья замирая,
Уже предчувствую роман.
В аллеях музыка играет,
Плывет сиреневый туман,
Рыдает громко репродуктор
Над голубою гладью льда
О том, как не спешит кондуктор,
Горит полночная звезда.
До счастья метр, еще немножко,
Ему навстречу я скольжу,
Но Алик ставит мне подножку,
И я у ног его лежу.
Как он был рад, что я упала,
Скривил лицо, меня дразня —
Ну, фигуристка ж ты, Рубала! —
И укатился от меня.
Прошло сто лет. На пляже жарком
Я проводила отпуск свой.
И про туман Владимир Маркин
Пел над моею головой.
Под песню вспоминая детство,
Я вдруг растрогалась до слез.
И тут в шезлонге по соседству:
– Рубала! – кто-то произнес. —
А ты совсем не изменилась! —
Был Алик рад от всей души. —
И если ты не загордилась,
Ты мне книжонку подпиши.
Мы оба были встрече рады,
Вошли в вечерний ресторан.
И пела девушка с эстрады
Там про сиреневый туман.
Мы были пьяными немножко,

Плыл ресторан в густом дыму.
Мы танцевали. И подножку
Я вдруг подставила ему.
Лежал он посредине зала
У ног моих, как я тогда.
– Ну, фигуристка ты, Рубала! —
Сказал и скрылся. Навсегда.

Кто придумал эти чертовы цифры?

Кто придумал эти чертовы цифры,
Чтоб они, считая годы, неслись?!
Я наверх взлетел в стремительном лифте,
А теперь шагаю медленно вниз.
Я на многих побывал перевалах,
Покорить сумел немало вершин.
Пусть в душе осталось шрамов немало,
Шрамы очень украшают мужчин.
А годы считать – невеселое дело,
Тогда объясните, зачем их считать?
Всё помнит еще мускулистое тело,
А сердце умеет любить и страдать.
Пусть сад мой отцвел, и листва облетела,
И новой весне никогда не настать,
Всё помнит еще мускулистое тело,
А сердце умеет любить и страдать.
Может, кажется, а может, и правда —
Мне с горы идти приятно вполне.
Ведь задумчивые женские взгляды
Замирают иногда и на мне.
Обошел я все подводные рифы,
Выплыл сам, не потопив никого.
Кто придумал эти чертовы цифры,
Я хотел бы посмотреть на него.

Были юными и счастливыми

Было нам когда-то лет
Восемнадцать-девятнадцать.
Разливалось солнце вслед,
И хотелось целоваться.
Вечерами саксофон
Раскалялся весь от страсти,
Тот далекий, чудный сон
Назывался просто – счастье.
Были юными и счастливыми
В незапамятном том году,
Были девушки все красивыми
И черемуха вся в цвету.
Во дворе у нас жила
То ли Нинка, то ли Милка.
Всех она с ума свела,
Все в нее влюбились пылко.
И рыдала про любовь
Граммфонная пластинка,
И гнала по жилам кровь
То ли Милка, то ли Нинка.
Были юными и счастливыми
В незапамятном том году,
Были девушки все красивыми
И черемуха вся в цвету.
Попивали мы пивко
И шалели от свободы,
Были где-то далеко
Наши будущие годы.
Что там будет? А пока
Мы все были молодыми.
Кстати, вышла за Витька
Та, чье я не помню имя.

Отец

– Ой, Лариса, ну почему ты так чудно ходишь? Носки врозь и переваливаешься, как утка? Тебя издали узнать можно. – Сколько раз я это слышала!

Да, как хочу, так и хожу. У меня походка папина. Я вообще вся в него – и походка, и характер, и улыбка. И очень этому рада, ничего исправлять не собираюсь. Потому что папка мой был обыкновенным замечательным человеком. Его нет уже очень давно – 33 года. За эти годы в моей жизни произошло столько всего – и радостного, и страшного. Недавние утраты еще очень больно жгут сердце. А память об отце уже где-то очень глубоко, на доньшке души. И вспоминаю о нем без боли – грустно-весело.

В 1920 году в украинском местечке Вчерайше, в огромной – сестер-братьев не сосчитать – семье, родился мальчик Айзик – мой отец. У Рубальских было много Айзиков и Базиков. Почему-то всех почти родившихся мальчишек так называли их родители. Выглянет, бывало, какая-нибудь мама в окошко, зовет домой сыночка: «Айзик!» И сразу человек пять бегут на ее оклик.

Или соберутся вечерком и о Базике разговор заведут. А о каком из них, сразу и непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.